

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФИЛОСОФСКОГО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В современных условиях, в которых глобализация и информатизация ставят человека в условия непрерывно усложняющегося мира. Динамически растущие потоки информации диктуют невозможность их обработать. Когда вещи становятся всё более разными, а люди, их создавшие, всё больше и больше походят друг на друга. В современной общественно-экономической ситуации, когда профессии стремительно рождаются, развиваются и быстро могут терять своё первоначальное значение, кризис идентичности может оказывать существенное влияние на многие философско-антропологические проблемы. В этих условиях без рассмотрения вопросов идентичности фактически невозможно формирование целостной картины мира с учетом места и роли человека в нём.

Цель работы: проанализировать и раскрыть влияние общественно-социальных процессов на идентичность и на кризисные явления связанные с ней; разработать концепт идентичности, отвечающий как личностно-психологическим, так общественным факторам; сформировать научные основания для рассмотрения идентичности в рамках как философии, так и психологии.

Ключевые слова: *идентичность, кризис идентичности, концепт идентичности*

ПРОБЛЕМА КРИЗИ ІДЕНТИЧНОСТІ В СУЧАСНОМУ ФІЛОСОФСЬКО - ПСИХОЛОГІЧНОМУ ДИСКУРСУ

В сучасних умовах, в яких глобалізація та інформатизація ставлять людини в умови безперервно ускладнюється світу. Динамічно зростаючі потоки інформації диктують неможливість їх обробити. Коли речі стають все більш різними, а люди, що створили їх, все більше і більше схожі один на одного. У сучасній суспільно-економічній ситуації, коли професії стрімко народжуються, розвиваються і швидко можуть втрачати своє початкове значення, криза ідентичності може робити істотний вплив на багато філософсько-антропологічні проблеми. У цих умовах без розгляду питань ідентичності фактично неможливе формування цілісної картини світу з урахуванням місця і ролі людини в ньому.

Мета роботи: проаналізувати і розкрити вплив суспільно-соціальних процесів на ідентичність і на кризові явища пов'язані з нею; розробити концепт ідентичності, що відповідає як особистісно-психологічним, так громадським чинникам; сформулювати наукові підстави для розгляду ідентичності в рамках як філософії, так і психології.

Ключові слова: *ідентичність, криза ідентичності, концепт ідентичності*

THE PROBLEM OF IDENTITY CRISIS IN MODERN PHILOSOPHICAL- PSYCHOLOGICAL DISCOURSE

In modern conditions, in which globalization and informatization put a person in the conditions of a continuously complicating world. Dynamically growing streams of information dictate the inability to process them. When things become more and more different, and the people who created them, more and more resemble each other. In the modern socio-economic situation, when professions are rapidly being born, developing and can quickly lose their original meaning, an identity crisis can have a significant impact on many philosophical and anthropological

problems. Under these conditions, without considering issues of identity, it is virtually impossible to form a complete picture of the world, taking into account the place and role of a person in it.

Objective: to analyze and reveal the impact of social processes on the identity and the crisis phenomena associated with it; develop an identity concept that responds to both personal and psychological factors; to form a scientific basis for the consideration of identity in the framework of both philosophy and psychology.

Keywords: identity, identity crisis, identity concept.

В общем виде идентичность можно определить как свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком, как воплощением присущих этим группам или общностям свойств. Кроме этого говоря об идентичности мы говорим также и о целостности личности; тождественности и непрерывности нашего Я, несмотря на те изменения, которые происходят с нами в процессе роста и развития (Я — тот же самый). Об этом говорил Эрик Эрикссон. При этом, в случае изменения социальных, экономических, религиозных, языковых и других реалий, к которым человек имел отношение и относил себя, что происходит с идентичностью? Например, человек принадлежит к некоторой субкультурной группе и отождествляет себя с ней. Но в какой-то момент времени в связи со значительными изменениями в социуме и/или внутри самой группы, она начинает претерпевать значительные изменения. И вполне может возникать такая ситуация, при которой человек начинает разделять идеалы группы не полностью или в меньшей степени, или вообще в связи со значительностью изменений уже тотально не в состоянии их разделить. В таком случае, вполне логично, что возникает кризис идентичности, т.к. Человек определял себя через группы, через социум, а социум поменялся. И даже не всегда понятно, что с социумом происходит. Не всегда ясно: каким он стал. Что за новые правила начали действовать, какая теперь у него структура и каким образом можно вписаться в нее. В таком случае попытки понять кто я и поиск себя могут забирать массу энергии. Человек оказывается как бы обездвижен общественными процессами. Например, распад СССР во многом определил кризис идентичности советского человека. Очень неожиданно для многих стало не ясно кто они на самом деле. Что в связи с этим нужно делать. И самое главное: зачем. Развивая дальше эти размышления, с учетом того, что любую группу, с которой идентифицируется человек составляют люди, можно вполне предположить, что любое существенное изменение отношения одного человека к другому, любое значительное изменение мнения человека о другом человеке, появление кардинально других представлений о нем, если не ведет к кризису идентичности, то, по крайней мере, некоторым образом раскачивает идентичность. В той или иной степени заставляет задуматься о себе. И чем ближе и значимее другой, высказавший такое мнение, тем больше может быть размышлений. Но раскачивание идентичности это еще не есть кризис. Первое что напрашивается сказать в этом случае может звучать таким образом: кризис идентичности наступает в тот момент, когда не хватает ресурсов противостоять изменениям мнений извне, когда собственные представления о себе не выдерживают натиска предсказаний окружающих. Но тут могут быть преведены в качестве аргумента большое количество социальных и социально-психологических экспериментов, в которых идет речь и приводятся доказательства конформистской сущности человека. Многие социальные психологи считают, что большинство людей конформисты. Речь идет об экспериментах Милгрэма, “Я и другие”, “чудовищный эксперимент” и других. Можно также выделить эксперимент Рингельмана, который можно интерпретировать в том смысле, что когда мы рассчитываем на другого, мы прилагаем меньше усилий, по сравнению с той ситуацией, когда мы рассчитываем на себя. И если тогда если нам дают готовые сведения о нас, то нужно ли нам отстаивать себя с удвоенным рвением? При этом, во всех социально-

психологических экспериментах подобного рода можно заметить тенденцию, что человек гораздо быстрее может менять мнение о чем угодно и о ком угодно, чем менять мнение о себе. И это можно вполне просто объяснить тем, что Я всегда защищает себя активным и жестким образом. И это самая сильная часть психологической структуры и т.д. Но тут есть некоторое несоответствие. Очень похоже, что наиболее адаптивные в социальном плане люди не так активно защищают собственное Я. И даже можно сказать больше: наиболее сильное Я в меньшей степени стремится защищать самое себя, и в большей степени может рассматривать мнения других, которые не совпадают с его мнением о самом себе. Можно пойти еще дальше и сказать о том, что тот кто может менять свое Я в зависимости от изменяющихся обстоятельств, тот в большей степени на собственное Я в состоянии опереться. Это вполне можно считать парадоксом, требующий некоторых объяснений, которые на наш взгляд не возможно дать, пользуясь существующими концептами. Рассуждения, которые мы приводим ниже направлены на то, чтобы объяснить вышеуказанный парадокс, но не ограничиться этим.

Данные рассуждения можно начать с вопроса: что точнее передает и характеризует идентичность – то, что человек рассказывает о себе или то, что о человеке рассказывают другие люди? И первое, и второе может быть просто некоторой фантазией на заданную тему. Каждая из этих двух характеристик может быть очень неточной. Так человек может рассказывать о себе что-то одно, но все действия могут говорить о чем-то другом. И так зачастую бывает, что общество дает человеку более точную характеристику, по сравнению с той, которую дает себе сам человек. Обратное тоже вполне распространено. Человек о себе знает больше, чем знают о нем другие. Но пожалуй, чаще всего встречается ситуация, когда первая характеристика и вторая не совпадают.

Кроме всего прочего, человек, который рассказывает о себе всё по сути ограничивается в своем рассказе тем, что кажется ему всем в момент рассказа. Иными словами, можно предположить, что акцент будет сделан на том, что интересует человек в данный конкретный момент. Если спросить человека о чем он мечтает, то он скорее всего скажет о том, в чем у него чувствуется нехватка в момент вопроса. Кроме этого, существенными чертами или же свойствами идентичности с точки зрения социума и с точки зрения отдельного человека могут быть очень разные вещи.

Все эти рассуждения буквально приводят к тому, что необходимо рассматривать две идентичности в неразрывной связи друг с другом. Т.е. с одной стороны нужно говорить о том, как человек представляет себя, с другой стороны о том, как представляет человека социум. Существенная разница между этими двумя идентичностями на наш взгляд прямо ведет к тревоге и тревожным состояниям. Например, в момент распада СССР много людей представляли себя советскими людьми и представление это было вполне устойчивым. Но социум, глас и рупор которого на тот момент практически полностью сливался с риторикой СМИ, говорил уже другие вещи. Люди долгое время отождествляли себя с одной экономической и социальной реальностью, а эта реальность разрушилась в буквальном смысле этого слова. И если человек идентифицирующий себя с одной реальностью уже не находит ее это существенным образом сказывается на его представлении о себе. На уровне тревоги. На способности к адаптации. В случае же, если наши представления о себе совпадают с представлениями о нас социума, иными словами чем больше эти две идентичности совпадают, тем в большей степени наши представления о мире совпадают с реакциями мира на нас. В таком случае, мир адекватен нашим представлениям о нем. И в таком случае мы можем в большей и в лучшей степени спрогнозировать и реакции на нас, и свои реакции на окружающих и окружающее. При несовпадениях мир словно ускользает. Исчезают опоры. Мир становится непредсказуем. Тревожным. И непонятным. Человек оказавшись в такой ситуации с высокой степенью вероятности будет чувствовать растерянность, сталкиваясь с непониманием и себя, и мира, ощущать одиночество и пребывать в нем. И тут речь идет не просто о экзистенциальной данности, но и о состоянии,

при котором человек явственно чувствует, что то, что есть у него не нужно окружающим, а то, что есть у окружающих не нужно ему. На это может быть приведено ряд возражений. В частности, можно упомянуть Кьеркегора и его категории решительного и единичного. Так согласно Кьеркегору подлинное существование связано с одиночеством, поскольку человек в качестве единичного одинок, он «один во всем мире, один – перед лицом Бога». Для Кьеркегора принципиальную значимость имеет способность человека пройти одинокий путь, так как именно это является свидетельством мужества человека. С точки зрения Кьеркегора одиночество предполагает отделение человека от других людей с целью выявить собственную бытийную незаместимость и приготовить свой дух для встречи с Другим, то есть, с Богом. Но тут у нас может возникнуть резонный вопрос: справился ли человек с таким одиночеством, если бы у окружающих представления о Боге полностью не совпадали с представлениями о Боге данного человека. Иными словами, одиночество необходимое для встречи с Богом вполне может быть возможным лишь в тот момент, когда существует Откровения Бога, которые приняты многими верующими. Когда существуют каноны и каноны эти признаются людьми. Кроме этого, мы вполне можем предположить, что категория одиночества у Кьеркегора могла быть принципиально иной не находясь он в одном поле – имя которому философия – со многими другими мыслителями. Другими словами, существование человека связано с постоянным преодолением разности своего Я и представлений об этом Я других.

О себе мы всегда узнаем от других и через других. Без других мы о себе ничего не знаем. И узнать не можем. Нам говорят как нас зовут, нас учат чувствам и чувствовать. Фактически Я – это отраженные оценки других. Но в процессе роста и жизнедеятельности мы всегда сталкиваемся с мнением других отличных от своего. Мы встречаемся с другими представлениями о нашем Я, и этих представлений может быть все больше и больше. И путь человека, и жизнь человека есть преодоление этой разницы. Стремление приблизить идентичность свою к идентичности социальной. И это преодоление никогда не возможно осуществить до конца, совпадение двух идентичностей всегда будет мнимым. Это связано с тем, что современные социальные процессы очень разнообразны и очень изменчивы с одной стороны, а с другой стороны мнение социума состоит из представлений разных людей, и не возможно составить результирующую этих представлений. Ведь, так или иначе, мы встречаемся с очень разными мнениями о себе, которые мы не в состоянии даже охватить полностью. И данный хаос возможно преодолеть только в случае, если мы дифференцируем по значимости окружающих. Существенное значение для человека имеет не столько другой, сколько значимый другой. И его система оценок и мнений. Так каким образом мы можем приблизить две идентичности друг к другу? Каким образом мы можем соотносить идентичность собственную (идентичность S) и идентичность, которую придает нам общество (идентичность P)? И тут снова возможен некоторый парадокс: чем больше в обществе имеет значение индивидуальное, чем большей ценностью обладает личностное, тем сложнее процесс преодоления этой разности, но тем значимее он. Иными словами, чем в большей степени Я является ценностью для других, тем легче переносится разность между собственными представлениями и представлениями социума. Ценность представляет собой смыслообразующую вещь. Адаптивность в гуманистической социальной системе и адаптивность в системе тоталитарной не могут совпадать. Так как в первом случае речь о преодолении ненужности идентичности S с точки зрения системы, а во втором случае речь идет о преодолении разницы между идентичностью S и идентичностью P. Поиск себя имеет смысл только когда Я является ценностью. Отсутствие стремления к поиску, пониманием его бессмысленности приводит к тому, что нет необходимости обнаруживать эту разность между идентичностями. Я-идентичность существует только в том случае, если идентичность S и идентичность P не совпадают. Если же под требованием общества — будь как все — они совпали, Я размывается и теряется. Создается ситуация, когда невозможно понять: кто я такой... просто часть огромной машины. И разрушение этой машины, ведет к потери себя. А следовательно и к потери энергии, мотивации, смыслов. И тогда это вопрос депрессии. Нет

диалектики. Нет противоречий. Действительно, если нет Я, то построение смыслов перестает быть реальным. Мир обретает смысл только в том случае, если человек может приблизиться к осознанию своего места и роли в нем. “После меня хоть потоп”, - это отсутствие Я и смысла Я в этом будущем. Но что произойдет, если все будет сведено к индивидуальному, если общее не будет представлять ценность? А ценность будет находиться в рамках лишь одиночного. Иными словами, что случится, если у человека не будет возможности сверки идентичностей S и P? Или даже еще более утрированно, что будет если общество не интересуется человеком? И это не есть случай тоталитарного режима, так как тут система интересуется человеком, можно даже сказать интересуется чрезвычайно. Но интерес этот происходит только в смысле запроса: будь таким как все. В случае же незаинтересованности системы, идентичности P просто не существует. Это по сути означает, что нет запроса извне. В таком состоянии мы просто не в состоянии сделать сверку идентичностей. Мы можем рассматривать идентичность P как некоторое отражение желаний других. Эквивалентом требования: я вижу тебя таким, что может быть равным я хочу, чтобы ты был таким. Отсутствие идентичности P—это есть сущность психоза. Так в психотических состояниях одним из важных и базисных маркеров их характеризующих является невозможность выйти в мета-позицию, т.е. посмотреть на себя со стороны, критически оценить себя и свои действия. Метафорой мета-позиции (или даже её alter-ego) на наш взгляд может вполне являться идентичность P. В данном смысле психоз это невозможность приблизиться к этой идентичности. Отсюда следует и невозможность социализации. По сути, если общество не производит идентичность P, то общества как такового не существует. Т.к. неотъемлемым атрибутом общества является выработки требований к его участникам. Для больного шизофренией идентичность P мерцающая и плохо дифференцируема. И тут на наш взгляд хорошим вопросом является вопрос: если человек может притвориться здоровым, то является ли он на самом деле больным? Или способность понять и осознать требования другого, требования социума уже есть эквивалент условной нормы? А притвориться вполне может означать и даже означает соответствовать ожиданиям. В рамках наших размышлений, если человек может притвориться на протяжении достаточного времени здоровым, т.е. понимать требования социума и быть в состоянии следовать им, то он здоровым и является. И фраза: человек суть то, кем он хочет казаться, на наш взгляд является недостаточной без слова «может»... Т.е. психическое здоровье это не только понимание требований общества, но и возможность им следовать. Т.е. способность совершать волевое усилие в заданном направлении. Иными словами: человек суть то, кем он хочет и может казаться.

Стараясь преодолеть разницу между идентичностью P и идентичность S мы воспроизводим во внутреннем мире общественные процессы. Представить что-то значит иметь к этому отношение. Но что происходит, если мы не хотим иметь отношения к тому, что о нас думают другие? Если в глазах других человек зол и коварен, но сам он не в состоянии принять это? И это не столько случай клеветы, так как в случае наговора сторона говорящая ложь, знает существующее положение вещей, но все равно и ложь на нас часто влияет очень сильно. Максима Жижека о том, что современное общество лишило нас права не желать может ли означать, что мы лишены права не желать соответствовать нашему образу в обществе? т.е. чтобы быть частью общества нам необходимо стремиться к постоянной интеграции P и S идентичностей. И в этом смысле «не согласие» не есть «не желание». Не соглашаться значит желать изменить свою P идентичность. Кроме этого, в случае, если идентичность P нагружена завышенными требованиями к личности с точки зрения субъекта, то приближение идентичностей выполнить может быть субъективно невозможно. И тогда стыд является естественным продолжением данной ситуации. Я не тот, за кого меня принимают. И любая попытка двигаться, может сковываться стыдом.

Диффузную идентичность мы можем рассматривать как тотальную неспособность преодолевать различия между идентичностью S и P. Так, например, если способность к воспроизведению идентичности P во внутреннем мире отсутствует, то и внутренние процессы оказываются разрозненными. А для того, чтобы воспроизвести идентичность P так

или иначе необходимо собрать ее в цельную картину. Любые даже противоречащие друг другу части должны быть связаны между собой.

Выводы: В рамках данной статьи приведена попытка анализа влияния современных общественно-социальных условий на человека, а также сформулирован концепт, призванный служить конвергентным основанием для рассмотрения вопросов идентичности как в рамках философии, так в и рамках психологии.

Кіссе Антон Іванович – доктор політичних наук, професор кафедри філософії, соціології та менеджменту соціокультурної діяльності Державного закладу «Південноукраїнський державний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського»

УДК: 140.8+159.922.32+17.02+329

МОРАЛЬНО-ЕТИЧНІ ЯКОСТІ УСПІШНОГО ПОЛІТИЧНОГО ЛІДЕРА

Вивчаються значення і роль морально-етичних якостей в успішності політичного лідера. Визначається вирішальний вплив для суспільства морально-етичних пріоритетів. Досліджуються взаємозв'язок і взаємодія політичного лідера і його конститuentів у створенні критеріїв успіху лідера.

Ключові слова: мораль, етика, морально-етичні якості, політичний лідер, конститuentи, успішний політичний лідер.

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА УСПЕШНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Изучаются значение и роль морально-этических качеств в успешности политического лидера. Определяется решающее влияние для общества морально-этических приоритетов. Исследуются взаимосвязь и взаимодействие политического лидера и его конститuentов в создании критериев успеха лидера.

Ключевые слова: мораль, этика, морально-этические качества, политический лидер, конститuentы, успешный политический лидер.

MORALLY-ETHICAL QUALITIES OF A SUCCESSFUL POLITICAL LEADER

The importance and role of moral and ethical qualities in the success of a political leader